

Переводчик: Simlirr

Редактор: Naides

В октябре первого года правления под девизом «Чундэ» пятая ветвь племени Цзиню подняла восстание на севере Синьцзяна. Они приняли под своё крыло остатки разбитого татарского войска и собрались напасть на столицу и её окрестности. В связи с этим командующий Цзяюгуаня послал срочное донесение императору. В итоге командование Пяти Армий отправило им в поддержку два полка.

В ноябре того же года принц Цзин, пятый сын императора Женьцзуна замыслил восстание в своём владении, провинции Аньхуй. Он лично возглавил войско из ста тысяч человек, в которое вошла его личная армия и несколько перешедших на сторону повстанцев гарнизонов. Он направился на север, собираясь вторгнуться в столицу и «разрешить недопонимание и восстановить порядок».

— Сто тысяч человек? — испуганно переспросила Ли Ши.

— Не нужно так паниковать, тётушка, — ответила Минлань, повернувшись к ней. — В их число наверняка входят всякие повара, ремесленники и родственники солдат. На деле там наверняка не наберётся и пятидесяти тысяч реального боеспособного войска.

Армия Цао Цао известная как «Миллион бесстрашных воинов» на деле состояла где-то из двухста-трёхста тысяч человек.

— Ты права, — сказал Чанву, поднявшись с кресла. — Я уже разузнал о них кое-что, и выяснилось, что в их войске всего тридцать тысяч солдат.

— Помнится, что после подавления восстания девяти принцев император Тайцзун выпустил указ о том, что принцы и другие вассалы могут обладать тремя сотнями солдат для личной охраны. К тому же их лишили прямого контроля над владениями и подданными, а командующих всех провинциальных гарнизонов обязали регулярно отчитываться императору о делах вассалов. Каким образом принц Цзин сумел собрать тридцать тысяч солдат за столь короткое время? — спросила Минлань с озадаченным тоном, подойдя к Чанву.

— Сестрица, есть кое-что, о чём ты не знаешь, — грустно улыбнувшись, ответил тот. — Несмотря на то что предыдущий император недолюбливал принца Цзина и наделил его владением только лишь для того, чтобы отослать подальше, прошлый император всё же был весьма добрым и великодушным человеком. Он терпел выходки принца Цзина из-за того что

его мать, императорская наложница Цзя, умерла рано и император опасался, что его пятому сыну из-за этого придётся терпеть лишения. За прошедшие годы я часто слышал от военных о том, что принц Цзин полностью подчинил себе западный Аньхуй. Местные чиновники не посмели доносить на него, вместо этого они поддержали его и сговорились.

— Братец, а тебе известно, что принц Цзин делал в своём владении? — вскинув брови задала следующий вопрос Минлань.

— Что? Что ты имеешь в виду? — непонимающе переспросил Чанву.

— Ну, например, как он тренировал солдат, — быстро ответила Минлань.

— Мать принца Цзина была первой законной дочерью генерала Фэнгуо, — немного подумав, ответил Чанву. — После того как принц Цзин перебрался в своё новое владение и обустроился там, генерал Фэнгуо принялся присылать к нему множество способных людей. Среди них было несколько военных, ставших начальниками стражи в его поместье. Они были способны кого угодно обучить военному ремеслу. К тому же принц Цзин пользовался поддержкой своих братьев. Он часто ездил в столицу и просил их да и самого императора прислать ему оружия, серебра и зерна.

— А как он относился к жителям провинции Аньхуй? — спросила Минлань.

— У принца Цзина была большая свита и большое войско, — покачав головой, ответил Чанву. — Жалования наместника провинции явно не хватало на то, чтобы содержать эту армию даже несмотря на то что прошлый император был щедрым человеком и частенько дарил ему разные ценности. Поэтому ему пришлось использовать простой народ в своих интересах. К слову, многие влиятельные и богатые семьи послали своих дочерей в поместье принца Цзина и те стали его наложницами. Таким образом он заручился поддержкой местных влиятельных семейств.

— Принц Цзин относился ко всем одинаково хорошо? — надув губы, спросила Минлань.

Чанву был порядком озадачен потоком вопросов, исходивших от неё. Несмотря на то что её голос был мягким и тихим, каждый её вопрос был подобен гвоздю, который вбивали ему в череп.

Пожилая госпожа Шэн, сидевшая в кресле слева от Минлань, недовольно нахмурилась.

— Минлань, как ты можешь говорить о подобном? — принялась отчитывать она. — Ты же девушка, тебе не подобает обсуждать политику.

Минлань ничего не ответила, лишь опустила голову.

Все присутствующие в комнате были несколько шокированы разговором, произошедшим между Минлань и Чанву. Ли Ши и Вень Ши выглядели ошарашенными, Чансун сидел, открыв рот. Шэн Вэй, увлечённо слушавший их до этого, поспешно замахал руками и обратился к пожилой госпоже Шэн:

— Тётушка, не вините Минлань. Она задала очень хорошие вопросы, мы все сейчас обеспокоены этими событиями. Благодаря вопросам Минлань и ответам Чанву лично я смог получше разобраться во всём этом. Принц Цзин назначал людей на должности, основываясь исключительно на своих предпочтениях. К тому же он собирал дань с простых граждан. Возможно, не все его солдаты разделяют его точку зрения. Этим можно воспользоваться, чтобы остановить его восстание и разрушить его планы. Продолжай, Минлань. Спрашивай то, что у тебя на уме.

— Да, Минлань, продолжай, — поддакнула Пиньлань.

Пожилая госпожа Шэн окинула комнату цепким взглядом и, убедившись, что все присутствующие были членами семьи Шэн, кивнула Минлань, у которой всё ещё оставались вопросы. После этого Минлань шагнула вперёд и спросила Чанву:

— Братец, до того как ты покинул столицу, в пяти армиях и столичной страже не происходило ничего странного? Насколько они готовы к бою? Хватает ли им вооружения? Не были ли некоторые командующие переведены на другие должности?

Чанву, хорошо знакомый с положением дел в армии, ответил не задумываясь:

— С тех пор как его величество взойшёл на трон, сменилось всего двое или трое командующих. Множество офицеров в рангах Тунчжи, Бацзун и Дутун заменили на новобранцев из семей простолюдинов. Я и сам был одним из них. Когда мы вступили в должности, первым делом нам велели хорошенько постараться на следующих военных учениях и не сидеть без дела.

Шен Вей и Ли Ши переглянулись, во взгляде Шэн Вей читалось облегчение.

— Сколько солдат отправили подавить восстание на севере Синьцзяна? — уточнила Минлань.

Чанву мысленно прикинул значения и ответил:

— Когда мы проезжали провинцию Шаньдун я слышал, что командование пяти армий отправило туда две трети солдат.

Минлань ненадолго задумалась, после чего задала следующий вопрос.

— Так, а что насчёт центра провинции Хэнань и запада провинции Цзянсу?

Чанву понял, что Минлань имела ввиду и, тяжело вздохнув, ответил:

— За прошедшие десять лет принц Цзин бывал в столице по несколько раз каждый год. И на его пути... так или иначе, правители и военачальники в этих двух провинциях весьма хорошо знакомы с ним.

— Раз уж тебе это известно, почему ты так хочешь вернуться в столицу и продолжить службу в армии? — улыбнувшись, спросила Минлань.

— Ну а что, по-твоему, я должен делать?! — хлопнув ладонью по столу, раздосадовано воскликнул Чанву.

Чиновники продвигались по службе благодаря своему красноречию и рутинному труду, но лучшим способом заработать повышение для военного офицера были подвиги на поле боя. Большинство младших офицеров из неблагородных семей заработали свои звания благодаря своему вкладу в подавление восстания Шэнь Чень.

Глядя на Чанву, на лице которого читалось сожаление, Минлань понимала, что он чувствует.

«Принц Цзин та ещё заноза в заднице. Он мог бы озвучить хотя бы часть своих планов до того, как выступил против императорского двора. Если бы я знал, что у офицеров, оставшихся в столице, был шанс выслужиться и заработать повышение, я бы не вернулся в Юян, но теперь уже слишком поздно».

Ли Ши подошла к Чанву, осторожно погладила его по плечу и с искренностью произнесла:

— Ву, мой дорогой сын, тебе ещё представится шанс показать себя на поле боя. К тому же, ситуация на фронтах сейчас не самая лучшая, не стоит высовываться. Да и твоя жена ждёт ребёнка, ещё одна причина держаться подальше от опасности.

Несмотря на то что Шэн Вэй надеялся на то, что его сына вскоре повысят в звании, он тоже ставил безопасность Чанву на первое место.

— Твоя мать права, — сказал он. — Важнее всего сейчас пережить эту неразбериху в целости и сохранности. К тому же... Никто не знает... — Шэн Вэй замолчал, но Пиньлань быстро подхватила мысль:

— Никто не знает, кто в итоге победит в этой войне.

Шэн Вэй хлопнул рукой по столу и гневно воскликнул:

— Замолчи, девчонка! Не говори ерунды. Тебе не подобает даже находиться здесь.

Пиньлань быстро замолчала и опустила голову, но наострила уши.

— Отец, матушка, есть вещи, о которых вы не знаете, — сказал Чанву скорбным голосом. — Военным богатство и влияние достаются в награду за риск, на который они идут по долгу службы. Каждый солдат желает проявить себя на поле боя. Конечно, подавлять восстание — опасное занятие, но это лучше, чем воевать в холодных регионах, таких, как север Синьцзяна и Силяна.

Шен Вей задумался. В мирное время большинство офицеров, регулярно получавших повышения, происходили из семей дворян. Для тех же, кто не имел достаточного влияния при дворе, нынешняя ситуация действительно была отличным шансом. К тому же, военные офицеры действительно сильно отличались от гражданских чиновников. Чиновники могли продвигаться по карьерной лестнице, даже будучи семидесяти-восемидесятилетними близорукими стариками. У офицеров же повышение зависело от их способностей и свершений на поле боя, и если офицер не сумел дослужиться до звания дутун к шестидесяти годам, то он уже никогда...

Когда Чанву впервые услышал о восстании принца Цзина, он незамедлительно отправился в Цзиньлин и принялся выяснять все детали произошедшего. Узнав, что центральный регион был погружен в хаос войны, он сразу же захотел отправиться в столицу и вернуться на службу. Однако, Шэн Вэй и Ли Ши были напуганы его внезапным порывом. В итоге Чансун и Вень Ши отговорили его, заручившись поддержкой и красноречием пожилой госпожи Шэн. Тем временем Пиньлань, Минлань и Чандун воспользовались царившей суматохой, чтобы проскользнуть в комнату, в которой и происходило обсуждение этого вопроса.

В семье Шэн Вей царил гармония, дети могли без проблем высказывать свои мысли в присутствии родителей, в отличие от семей аристократов, в которых существовало множество правил и ограничений. Теперь, когда Жулань, Молань и Ван Ши больше не сдерживали её, Минлань даже осмелилась комментировать сложившуюся ситуацию в присутствии Шэн Вей и Ли Ши.

Ли Ши продолжала пытаться уговорить Чанву не рисковать попусту. Устав от её увещаний, Чанву беспомощно ответил:

— Матушка, столица — богатый и процветающий город, и большинство офицеров в гарнизонах столицы и её окрестностей — дворяне. Благодаря помощи дядюшки, я сумел стать кем-то вроде мелкого чиновника в армии. Но потом я сумел внести некоторый вклад в подавление восстания Шэнь Чень, и меня повысили до бацзуна. Теперь, если я пойду на службу в местный гарнизон, меня могут назначить командиром. Матушка, ты знаешь, сколько лет мне бы пришлось дожидаться этого, если бы я остался на границе? Возможно, я не стал бы бацзуном даже спустя восемь или десять лет!

— Но... но... — бормотала Ли Ши. Она окинула взглядом всех присутствующих, смутилась ещё больше, и обратилась к Шэн Вэю. — Ты отец моих детей. Скажи что-нибудь, останови его!

Шэн Вэй тоже хотел оставить сына дома, но понятия не имел, как его убедить. Его взгляд метался от одного родственника к другому. Ли Ши, Чансун, Вень Ши, Пиньянь... Все они выглядели либо безразличными, либо озадаченными. Шэн Вэй перевёл взгляд на пожилую госпожу Шэн, сидевшую в кресле, и на Минлань с Чандуном, стоявших рядом с ней.

— Тётушка, вы преисполнены знаний и опыта, — поклонившись, уважительно произнёс он. — Прошу, дайте нам совет.

Пожилая госпожа Шэн мельком взглянула на Чанву, словно сомневаясь в чём-то. Затем она махнула рукой и неторопливо ответила:

— Я женщина, я ничего не смыслю в вопросах национальной безопасности и ведения войны. Если бы твой брат вместе с Чанбаем были тут, они могли бы дать тебе достойный совет.

Не удержавшись, Шэн Вэй украдкой посмотрел на Минлань, после чего подмигнул Чанву. Тот мгновенно понял намёк и, повернувшись к Минлань, спросил:

— Сестрица Минлань, а каково твоё мнение по этому вопросу?

Кажется, таков был удел почтительного ребёнка — ему следовало сказать то, что не в силах был сказать его отец.